

Научная статья

УДК 165

DOI 10.25205/2541-7517-2023-21-4-29-47

Ментальная причинность в порядковой онтологии Ю. Бюхлера

Елена Борисовна Черезова

Новосибирский государственный университет

Новосибирск, Россия

e.cherezova@g.nsu.ru, <https://orcid.org/0009-0005-9103-9721>

Аннотация

Цель статьи – обойти ограничение на систематическую сверхдетерминацию ментальной причинности посредством её рассмотрения в рамках ординального натурализма Ю. Бюхлера. Наша гипотеза заключается в том, что в порядковом натурализме сознательные поведенческие акты обладают целостностью и специфичностью, при этом они связаны с другими порядками (физиологическим, психологическими, социальными), но и не редуцируются к ним, что обеспечивает сложность ментальной причинности, т.е. обладание как ментальными, так и физическими чертами и событий-причин, и событий-следствий. Это позволит изменить форму причинных высказываний так, чтобы избежать сверхдетерминации. Ментальная причинность интерпретируется как нередуцируемо сложный естественный комплекс, имеющий в качестве своих черт комплексы физического и ментального порядков. Порядок физических событий исключает черты ментального как нерелевантные. В порядке ментальных событий исключаются как черты физические свойства. В порядке событий сознательного поведения происходит слияние комплексов физического и ментального порядка, формирующее новый целостный комплекс, поэтому выделение ментального аспекта причинности является описанием черт как события-причины, так и события-следствия, принадлежащих одному порядку сознательного поведения. Выделение отдельных черт может иметь синтаксический характер анализа причинных высказываний, онтологически же оба типа причинности есть реальные отношения естественных комплексов разных порядков.

Ключевые слова

ординальный натурализм, естественные комплексы, онтологический паритет, ментальная причинность

Для цитирования

Черезова Е. Б. Ментальная причинность в порядковой онтологии Ю. Бюхлера // Сибирский философский журнал. 2023. Т. 21. № 4. С. 29–47. DOI 10.25205/2541-7517-2023-21-4-29-47

© Черезова Е. Б. , 2023

Mental causality within Justus Buchler's ordinal metaphysics

Elena B. Cherezova

Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russia

e.cherezova@g.nsu.ru, <https://orcid.org/0009-0005-9103-9721>

Abstract

The paper aims to look at the possibilities of overcoming the restriction on the systematic overdetermination of mental causation in the ordinal naturalism of J. Buchler. We think that in ordinal naturalism, conscious behavioral acts have integrity and specificity, while being associated with other orders (physiological, psychological, social), but not being reduced to them, which ensures the complexity of mental causation, i.e. the possession of both mental and physical traits of both cause-events and effect-events. This will allow us to change the form of causal statements so as to avoid overdetermination. Mental causation is interpreted as an irreducibly natural complex. The order of physical events excludes mental traits as irrelevant. In the order of events of conscious behavior, a coalescence of physical and mental complexes occurs, forming a new integral complex. Therefore, highlighting the mental aspect of causation is a description of the traits of both the cause-event and the effect-event, belonging to the same order of conscious behavior. The identification of individual traits may have the syntactic character of the analysis of causal statements, but ontologically both types of causality are real relations of natural complexes of different orders.

Keywords

ordinal naturalism, natural complexes, ontological parity, mental causation

For citation

Cherezova E.B. Mental causality within Justus Buchler's ordinal metaphysics. *Siberian Journal of Philosophy*, 2023, vol. 21, no. 4, pp. 29–47. DOI 10.25205/2541-7517-2023-21-4-29-47

Ментальная причинность – это представление о том, что психическое состояние, событие, процесс или деятельность приводят к следствию или эффекту, причиной которого они предположительно являются: «Желание Джона выпить пива является предполагаемой причиной того, что Джон идет к холодильнику» [Eronen, 2021, p. 77]. Важно отметить, что физическое поведение («подход к холодильнику») не является компонентом психического состояния («желание выпить пива») и находится «на другом уровне», в модели, где «физическое» и «ментальное» представляют собой разные уровни. Вопрос заключается в том, как, с одной стороны, ментальная причина, отличная от физических причин, вообще может вызвать что-либо в нервно-мышечном аппарате Джона, заставить его выполнить определенное действие, и, с другой стороны, действительно ли у каждого поведенческого акта такого рода всегда есть две причины: ментальная и физическая. Это известная проблема физикалистской метафизики: «Проблема ментальной причинности состоит в том, чтобы объяснить, как ментальность может играть каузальную роль в мире, который по своей сути является физическим. Аргумент супервентности / исключения показывает, что в рамках физикалистской схемы ментальная причинность возможна только в том случае, если ментальные явления физически редуцируемы» [Kim, 2005, p. 1]. По определению, физикализм представляет собой прежде всего онтологическую доктрину, согласно которой «реальность в конечном итоге конституируется или определяется сущностями – объектами, событиями»

ями, свойствами и т. д. – которые являются *физическими*. Этот тезис часто сочетается с утверждением об объяснительном превосходстве физики» [Macdonald, 2006, p. 553]. Физикалистский подход к биологическим, ментальным, социальным областям реальности (сущностям, свойствам, событиям и т. п.) провозглашает, что в этих областях нет ничего, кроме устройства физических сущностей. Причем «физическое» здесь понимается негативно, как отличное от ментального, что, согласно Д. Папино, является достоинством, потому что позволяет не обращаться к науке за определением понятия «физическое» и соответственно избежать «дилеммы Гемпеля», заключающейся в том, что «ни современная физика, ни идеальная физика будущего вряд ли смогут сформулировать окончательное определение физического, что в общем-то и не является их задачей» [Papineau, 2001, p. 29]. Трудности в философии сознания возникают в связи с невозможностью одновременно непротиворечиво принять ряд утверждений, таких как: а) физический мир причинно замкнут; б) систематическая сверхдетерминация *неправдоподобна*; в) ментальное *отличается* от физического; г) некоторые ментальные события *вызывают* физические события. Первое утверждение о причинной замкнутости имеет эмпирические основания: «Принято считать, что для любого вызванного микрофизического события P существует отдельное микрофизическое событие P^* , которое причинно определяет объективную вероятность P (если верен детерминизм, эта вероятность будет равна 1)» [McLaughlin, 2006, p. 134]. В общей форме утверждение *а* означает, что все физические события, имеющие причину, имеют достаточную *физическую* причину. При этом достаточная причина у события должна быть одна, исключая случаи сверхдетерминации, когда может быть несколько независимых причин. Пример причинной сверхдетерминации: г-н К. и г-жа Н. одновременно каждый бросают по камню, которые одновременно разбивают окно, «причем любой камень по отдельности также мог бы разбить окно» [Bernstein, 2016, p. 2]. Это случай классической сверхдетерминации: существует множество различных причин одного эффекта, каждая из которых сама по себе достаточна, чтобы вызвать этот эффект. С. Бернштейн формулирует следующее понятие сверхдетерминации: «Причины C_1 и C_2 причинно сверхдетерминируют эффект E , если C_1 и C_2 различны, они действительно происходят и каждой из них достаточно, чтобы вызвать E таким способом, каким оно происходит» [Bernstein, 2016, p. 2]. Рассмотрим пример со злонамеренной г-жой Н. в контексте проблемы ментальной причинности: г-жа Н. решила бросить камень в окно, чтобы его разбить. Бросок считается физическим событием, вызванным психическим состоянием г-жи Н., когда она захотела камнем разбить окно. Но также бросок является результатом физиологических процессов в нервной и опорно-двигательной системах г-жи Н. И это именно то, что фиксируется принципом каузальной замкнутости: каждое физическое событие должно иметь достаточную физическую причину, и у броска она есть – нервные импульсы и сокращение мышц. Поскольку физическое состояние г-жи Н. уже считается достаточной физической причиной броска, её психическое состояние, заключающееся в желании бросить камень и разбить окно, оказывается избыточной, сверхдетерминирующей причиной. Каждый поведенческий акт представляется обусловленным одновременно и ментальным событием, и физическим процессом в теле, что ведет к принятию

ментально-физической сверхдетерминации как систематической и повсеместно распространенной. Сверхдетерминация может случаться в мире, но проблемой она становится в спорах по поводу ментальной причинности в нередуктивном физикализме в связи с одновременным принятием утверждений о причинной замкнутости физического, отличности ментального от физического и каузальной эффективности ментального. Но прежде чем мы зафиксируем нашу точку зрения и зададим авторскую интерпретацию «решения» проблемы сверхдетерминации, имеет смысл рассмотреть то, к каким последствиям приводит конкуренция ментальной и физической причин в физикалистских теориях.

Как может существовать ментальная причинность в физикалистских теориях

Нередуктивные физикалистские теории ментального объединяет то, что они признают *различимость* ментального и физического и принимают тезис причинной *эффективности* ментального именно как ментального, именно это и делает физикалистские теории собственно нередуктивными. Принцип причинной *замкнутости* гарантирует приверженность физикализму. Согласно Дж. Киму «если событие *E* имеет достаточную причину *C* в момент *t*, то никакое событие в момент *t*, отличное от *C*, не может быть причиной *E* (если только это не подлинный случай каузальной сверхдетерминации)» [Kim, 2005, p. 17], поэтому физические причины, порождающие поведение, являются достаточными, а ментальные – как минимум сверхдетерминирующими. Сам Дж. Ким, полагает, что достаточные физические причины *исключают* отличные от них ментальные причины, и поэтому следует занять редукционистскую позицию: «После трех десятилетий дебатов становится все более очевидным, что если мы хотим иметь надежную ментальную причинность, нам лучше быть готовыми серьезно отнестись к редукционизму, нравится нам это или нет» [Там же, p. 22]. Таким образом, сочетание нередуктивности и физикализма в одной теории неизбежно ставит вопрос систематической сверхдетерминации. Эта проблема делает нередуктивный физикализм неустойчивой и проблематичной позицией, ведущей к эпифеноменальности ментальных свойств: «...предположим, что ментальное не удастся редуцировать: тогда мы столкнулись бы с призраком эпифеноменализма и должны найти способ жить с каузально бессильными ментальными свойствами. Это вполне может подтолкнуть нас к ментальному ирреализму... Сэмюэл Александер утверждал, что лишить что-либо причинных сил – значит лишить его существования» [Там же, p. 159]. Следовательно, мы должны в конце концов отдать предпочтение редуктивному физикализму, т. е. теории тождества в той или иной форме, и только это сохранит и узаконит ментальные свойства как членов физического мира и тем самым защит их причинную эффективность. С нашей точки зрения, проблема сверхдетерминации не претендует на то, чтобы показать принципиальную неспособность ментальных событий или свойств быть причинами чего-либо, проблема в том, что *нет таких событий, которым нужна была бы ментальная причина*, подчеркнем – всё работает благодаря физической причинности. Здесь ключевой момент связан именно с запретом на сверхдетерминацию: физиче-

ский эффект, имеющий достаточную ментальную причину, будет систематически свёрхдетерминирован в силу наличия физической причины, а это контринтуитивно. Утверждение о запрете на систематическую свёрхдетерминацию необходимо именно потому, что остальные предпосылки как таковые не запрещают ментальному обладать причинной силой. Таким образом, суть аргумента исключения не в том, что ментальное по своей природе неспособно причинно вызывать что-либо, а в том, что существует проблема, даже если предположить, что ментальное обладает причинной силой. И проблема эта возникает после других проблем, касающихся природы ментального и возможности ментальной причинности как таковой. Если допустить, что ментальные события и свойства причинно эффективны, то они оказываются лишними, свёрхдетерминирующими свои следствия. Дж. Ким показывает, что аргументы в пользу эффективности ментального сразу ставят вопрос о свёрхдетерминации: «Кажется, что теперь нам повезло с избытком причин: и M , и P кажутся по отдельности подходящими в качестве достаточной причины P^* . И невозможно избежать угрозы причинной свёрхдетерминации, думая о ситуации как о включающей причинную цепь от P к M , а затем к P^* , где M является промежуточным причинным звеном» [Kim, 1998, p. 43] (здесь M и P – ментальная и физическая причины, P^* – физическое следствие). Если утверждать отсутствие причинной конкуренции ментального и физического, то либо ментальное не эффективно, либо оно не отличается от физического, о чем писал ещё Д. Армстронг, защищая теорию тождества: «Пусть ментальные понятия будут чисто каузальными понятиями о состояниях и процессах, специфицируемыми исключительно разностью, сложностью и взаимностью своих каузальных ролей. Но пусть они будут привязаны, так сказать, к человеческим и другим животным телам, привязаны как состояния и процессы, каузально опосредующие стимулы и реакции... Тогда, конечно, становится в высшей степени вероятно, что то, чем являются эти каузально дефинированные состояния и процессы по своей природе, то, чем являются эти вещи, осуществляющие каузальный труд опосредования стимулов и реакций, есть чисто физические состояния и процессы в мозге» [Армстронг, 2005, с. 82]. Мы полагаем, что формулировка проблемы исключения имплицитно предполагает иерархическую онтологию, имеющую как минимум два уровня: физический и ментальный, которую Дж. Ким старается опровергнуть. Ментальная причинность в таком случае, понимается как направленная «сверху вниз», от ментального уровня к физическому, а физическая причинность имеет «горизонтальный» характер, т.е. лежит в пределах одного уровня. В рамках такой онтологии удовлетворительного решения проблемы исключения пока нет.

Проблема ментальной причины исчезает, если не принимать тезис различимости ментального и физического. Именно такова стратегия теорий тождества (*identity theory*), воплощающих сильную форму физикализма, тождественного элиминативному материализму¹: «В мире нет никаких ментальных сущностей, собы-

¹ С точки зрения рецензента (личная переписка; мы благодарны Игорю Евгеньевичу Присю за проявленное внимание и высказанные замечания), теории тождества не являются элиминативизмом: «Теория тождества, вообще говоря, не элиминативизм. Теория тождества утверждает, что ментальные состояния тождественны физическим (тип-тип-тождество или токен-токен-тождество), тогда как элиминативизм отрицает существование ментальных состояний». И мы, конечно, с этим согласны. Однако мы полагаем, что позицию Д. Армстронга, явного сторонника теории тождества,

тий, свойств и так далее» [Macdonald, 2006, p. 553]. С этой позиции, естественно, нет и проблемы ментальной причинности, и единственный философский вопрос, который можно сформулировать, – почему нам всем кажется, будто ментальное существует. Теории тождества обычно делятся на два вида: более сильные теории идентичности типов (*type identity*) и более слабые теории токен-идентичности (*token identity*). Различие между типом и токенами является онтологическим различием между общим видом вещей (типы обычно считаются универсалиями) и их конкретными единичными экземплярами (токены являются уникальными пространственно-временными партикуляриями)². В теориях тождества типов (У. Плейс, Дж. Сمارт, Г. Фейгл, Д. Льюис, Д. Армстронг) понятие ментального состояния «есть понятие того, что играет определенную каузальную роль» [Армстронг, 2005, с. 82]. Ментальные понятия являются исключительно каузальными понятиями, т.е. категориями концептуального анализа, следовательно, они должны быть тождественны чисто физическим состояниям и процессам в мозге, которые в реальности и осуществляют каузальный труд опосредования стимулов и реакций. Таким образом, из каузального анализа ментальных состояний следует вывод об их тождестве состояниям мозга. В некотором смысле использование ментальных понятий как эпистемических инструментов целесообразно с прагматической точки зрения, однако элиминация ментального из метафизики представляется неудовлетворительным ходом в связи с остающимися проблемами онтологического статуса сознания, человеческой агентности и в целом возможности нефизической (биологической, социальной и др.) причинности. Теории токен-идентичности постулируют тождество каждого отдельного ментального события или явления некоторому физическому событию. Согласно аномальному монизму Д. Дэвидсона, ни одно физическое событие не является по сути ментальным, но оно обладает тем, что необходимо для того, чтобы принадлежать к типу ментальных событий [Macdonald, 2006, p. 555]. Стимулирование С-волокон – это

вполне можно проинтерпретировать как элиминативистскую, так как он признает состояния и процессы, фиксируемые ментальными терминами, по своей природе чисто физическими состояниями и процессами в мозге. Так, например, делают иллюзионисты, когда, «опираясь на этот тезис (тождества ментальных и физических состояний. – Е.Ч.), полагают, что феноменального сознания на самом деле не существует. Некоторые исследователи полагают, что этот подход близок к элиминативизму (Schriner, 2018; Balog, 2016; Prinz, 2016), согласно которому феноменальное сознание является лишь теоретической ошибкой, навешанной психологией здравого смысла (фолк-психологией; англ. *folk psychology*)». См.: Горбачев М.Д. Иллюзионизм // Большая российская энциклопедия: научно-образовательный портал – URL: <https://bigenc.ru/c/illuzionizm-v-filosofii-09a954?v=7823032> (дата публикации: 12.07.2023). И в теории тождества, и в элиминативизме рассматривают ментальное как понятия или термины народной психологии, которые используются как маркеры физического и от которых, возможно, имеет смысл отказаться, потому что они больше запутывают, чем маркируют. В любом случае, отсутствует специфическое «онтологическое наполнение», никакой своей собственной реальности за ментальными понятиями не стоит. Аналогичное «либеральное» прочтение можно встретить и в энциклопедии Д. Боуче: «Существует два основных типа физикалистских тезисов. Во-первых, существует элиминативный материализм, или физикализм... Во-вторых, существует группа доктрин, которые подпадают под общий заголовок теорий тождества, и некоторые из этих доктрин сильнее других. Эта группа может быть разделена на две. Сильные доктрины можно обозначить как тип-тип-теории тождества, а слабые как токен-теории тождества». См.: Macdonald C. Physicalism // Donald M. Borchert (Ed.). *Encyclopedia of Philosophy*. Second Edition. Thomson Gale, 2006. Vol. 7. P. 553–556.

² Wetzel L. Types and Tokens // *The Stanford Encyclopedia of Philosophy* / Edward N. Zalta (ed.), URL = <<https://plato.stanford.edu/archives/fall2018/entries/types-tokens/>>. Дата обращения 17.02.2024.

физическое событие, которое может принадлежать типу ментальных событий «чувствовать боль» за счет обладания свойством «ощущаться как боль». Для того чтобы такая форма физикализма не оказалась по сути дуализмом свойств, постулируется отношение супервентности, согласно которому физические свойства, хотя и отличаются от ментальных, в некотором смысле определяют их. Тезис супервентности ставит под сомнение обладание ментальными свойствами (состояниями, событиями) собственными причинными силами. Компромиссным вариантом является принятие нередуктивных физикалистских теорий, которые утверждают, что даже если всё в некотором смысле является физическим, психологическое объяснение истинно и независимо от физического объяснения. Л. Кахун полагает, что философское мышление, оперирующее дуалистическим словарем только двух видов субстанций или свойств и игнорирующее качественное своеобразие иных сложных объектов, является выражением «доминирующего биполярного расстройств современной метафизики, убеждения, что существует не более двух видов реальности: физическая и ментальная» [Cahoone, 2013, p. 28].

С. Макдональд констатирует пессимистическую ситуацию относительно физикалистских теорий, которые должны учитывать два различных вида психических явлений (феноменальные и интенциональные): «В конце двадцатого и начале двадцать первого веков философы выражали скептицизм по поводу возможности полной физикалистской позиции и утверждали, что физикализм (либо токенов, либо типов) истинен не более чем в отношении одного из этих двух видов психических явлений» [Macdonald, 2006, p. 553]. Приверженность утверждению нередуцируемости ментальных свойств, по мнению С. Шнайдер, не позволяет носителю этих свойств (разуму, «Я» или личности) быть физической вещью, и в целом «нередуктивный физикализм не может поддерживать субстанциональный физикализм и, следовательно, является ложным» [Schneider, 2011, p. 135]. Д. Чалмерс также аргументирует свою позицию натуралистического дуализма, с одной стороны, невозможностью полного физикалистского объяснения относительно ментального: «В одних лишь физических терминах мы никогда не сможем объяснить появление сознательного опыта» [Чалмерс, 2013, с. 125], а с другой стороны – ложностью материализма «ввиду отсутствия логической супервентности сознания на физическом уровне» [Там же, с. 160]. Он признает естественную супервентность: «...сознание возникает из физического субстрата благодаря определенным контингентным законам природы, которые сами по себе не являются следствием физических законов» [Там же]. Эти затруднения вынуждают исследователя «либо пересмотреть наше понятие сознания, либо пересмотреть наше понятие природы» [Chalmers, 2002, p. 247]. И хотя существование сознания как дополнительных (по отношению к физическим фактам) контингентных фактов является основанием для наименования позиции дуалистской, Д. Чалмерс подчеркивает, что его позиция натуралистична, т.е. в ней «нет ничего антинаучного или сверхъестественного» [Чалмерс, 2013, с. 163]. В целом это приемлемый ход мысли: имея в виду, что «физикализм – это особенно строгая версия натурализма» [Campbell, 2006, p. 492] или «подвид натурализма» [Armstrong, 1978, p. 261] и при весьма обширной критике физикалистских теорий сознания, как редуктивных, так и нередуктивных (см., например: [Nagel, 1974; Kim, 1998; Chalmers, 2002; McGinn, 1989]

и др.), представляется вполне рациональным обратиться к натуралистической метафизике. Мы полагаем, что если физикализм для сохранения каузальной эффективности ментального неизбежно требует редукции к физическому, а феноменальное сознание, по всей видимости, нередуцируемо, то имеет смысл исследовать возможность сохранить ментальную причинность в менее жестких рамках натурализма. Мы будем исходить из общего понимания метафизического натурализма как доктрины, утверждающей, что «природный мир является единственно реальным и что человеческий род не отделен от него, а принадлежит ему как его часть» [Campbell, 2006, p. 492]. С одной стороны, это означает методологическую преемственность между философией и эмпирической наукой, с другой это фиксирует метафизический отказ от субстанциального дуализма.

Ниже мы рассмотрим, как можно решить проблему ментальной причинности при ослаблении физикализма до биологического натурализма в теории Дж. Сёрля и покажем, какие возникают трудности с межуровневым причинным взаимодействием. В общем идея уровней организации в науке имеет очень ограниченное применение и зачастую вносит больше путаницы, чем проясняет. Поэтому далее мы рассмотрим более подходящую онтологию для запутанных взаимодействий, а именно порядковый натурализм Ю. Бюхлера. Мы покажем, что ключевые понятия этой системы – комплексы и порядки – позволяют сохранить ментальную причинность и обойти проблему свехдетерминации. Наша гипотеза заключается в том, что в порядковом натурализме сознательные поведенческие акты обладают целостностью и специфичностью, при этом они связаны с другими порядками (физиологическим, психологическими, социальными), но и не редуцируются к ним, что обеспечивает сложность ментальной причинности, т.е. обладание как ментальными, так и физическими чертами и событиями-причинами, и событиями-следствиями. Это позволит изменить форму причинных высказываний так, чтобы избежать свехдетерминации. В синтаксическом анализе причинные утверждения традиционно имеют форму (P вызывает P^* , M вызывает P^*), ведущую либо к редукции, либо к свехдетерминации. В соответствии с порядками комплексов ментального и физического, форма причинных высказываний будет такой: события с ментальными аспектами M иногда вызывают события с физическими аспектами P . Наличие как ментальных, так и физических черт у событий-причин и событий-следствий (что обычно упускается в анализе ментальной причинности), которые в своих порядках сами являются комплексами, позволяет сохранить самостоятельность ментальной сферы и избежать свехдетерминации. Таким образом, мы предполагаем, что порядковая онтология обеспечит метафизическую основу для концептуализации возможности взаимодействия разнопорядковых причинных событий в едином комплексе человеческого поведения.

Ментальная причинность в уровневой онтологии

Натуралистической попыткой решить проблему ментальной причинности был биологический натурализм Дж. Сёрля. Он рассматривает сознание и ментальную причинность как сугубо биологические высокоуровневые феномены, реализующиеся в структурах мозга, и отмечает, что «субъективная онтология со-

знания не мешает иметь эпистемически объективную науку о сознании» (см., например: [Searle, 2003]). Для формирования такой науки и необходимо преодолеть устоявшуюся философскую традицию, которая рассматривает ментальное и физическое как две отдельные метафизические сферы. Дуализм делает проблему сознания неразрешимой, а материализм отрицает саму проблему, и именно поэтому Дж. Сёрль свою собственную позицию называет «биологическим натурализмом». Но это «простое решение» проблемы сознания, стремящееся сохранить нередуцируемость ментальной сферы одновременно с её каузальной эффективностью, подверглось обширной критике (Д. Деннет, Д. Чалмерс, Н. Блок, Д. И. Дубровский). Аналогии высокоуровневых физических процессов (кипение, текучесть) сознанию представляются крайне неудачными именно в силу редуцируемости физических явлений к микроуровневым процессам и при этом утверждении самого Дж. Сёрля о нередуцируемости сознания. Классический жест Дж. Сёрля с поднятием руки перед аудиторией должен иллюстрировать самостоятельную каузальную эффективность сознания: «Действительно существует различие между теми нередуцируемыми особенностями мира, которые имеют онтологию от первого лица или субъективную, и теми, которые ее не имеют... Дуалист считает, что “несводимость” уже подразумевает, что несводимый феномен – это нечто сверх его физической основы. Это ставит перед дуалистом свойств неразрешимую проблему: либо сознание функционирует причинно, либо нет. Если это так, то мы, по-видимому, имеем причинную сверхдетерминированность... Но если сознание не функционирует причинно, то мы имеем эпифеноменализм. Для биологического натурализма такой проблемы не возникает, поскольку причинное функционирование сознания – это всего лишь форма функционирования мозга, описываемая на уровне более высоком, чем уровень нейронов и синапсов» [Searle, 2004, p. 130]. Непротиворечиво рассмотреть ментальную причинность как сугубо биологический процесс, аналогичный причинности высокоуровневых характеристик, и при этом сохранить нередуцируемую субъективную онтологию сознания, на наш взгляд, Дж. Сёрлю не удастся. Он выделяет разные уровни *описания*: нейронное и психическое, что приемлемо для любой точки зрения на ментальную причинность, но вопрос в том, какая онтология за этим стоит и что, собственно, значит «онтология от первого лица». Если предположить, что это разновидность уровневой онтологии, то здесь есть множество трудностей с выделением собственно уровней и с тем, как объяснить их взаимодействие, особенно в контексте ментальной причинности.

Философские и научные дискуссии об уровнях организации по-разному рассматривали типы отношений, имеющих место между уровнями. Классически, согласно так называемому взгляду «слоеного пирога», разработанному П. Оппенгеймом и Х. Патнэмом (см.: [Oppenheim, 1958]), композиционные отношения между частями и целым являются основой уровнем организации в нашем мире, но уровни могут основываться и на механизмах и их компонентах. Таким образом, можно поставить вопрос о принципиальной возможности более точной концепции уровней, невосприимчивой к критике за двусмысленность и связанных с ней трудностей широкой интуитивной концепции уровней организации. Другой подход заключается в использовании конкретной научной теории (например,

касающейся основных эволюционных переходов к более сложным формам жизни) для определения уровней, которые затем будут иметь более широкое значение, выходящее за рамки научной теории о жизни, на которой оно основано.

Способы дифференциации уровней далеко не всегда дают одинаковые результаты: скорее они определяют различные организационные схемы, которые лишь частично и случайно перекрываются с другими (см.: [Potochnik, 2017]). Например, эффекты, опосредованные механизмами, представляют собой гибриды причинных и конститутивных отношений, где причинные связи носят исключительно внутриуровневый характер, поэтому «идея причинности должна была бы расшириться до предела, чтобы учесть межуровневые причины» [Craver, Bechtel, 2007, p. 547]. По мнению К. Крейвера и У. Бектеля, если окажется возможным представить межуровневые причины в виде эффектов, опосредованных конкретными механизмами, то такие причинные отношения не будут вызывать философских возражений. С другой стороны, отношения реализации не следуют отношениям части-целого или композиции масштаба (мелкозернистые события и крупнозернистые). Из-за множественной реализации некоторые свойства могут быть реализованы любым количеством различных видов сущностей разного размера. Нет оснований думать, что свойства частей сами по себе реализуют какое-то свойство целого. Так, например, тот факт, что животное хорошо замаскировано, определяется рядом свойств окраса и формы тела, а также спецификой его среды обитания, ландшафта, особенностями восприятия потенциальных хищников. Поскольку ни одно из этих различных отношений, иногда используемых для определения уровней, не связано друг с другом последовательным образом, любая попытка определить точную формулировку концепции уровней потребует определения одного отношения среди них, на котором можно будет основывать уровни, в которые должны будут вписаться все остальные отношения. Увязать в одну иерархию уровней средовые факторы, отношения в пищевой цепочке и анатомо-физиологические особенности не представляется возможным.

Концепция уровней организации сыграла основополагающую роль в биологическом образовании и научных исследованиях, и это способствует тому, что эвристика уровней укрепляет ожидания широкой распространённости уровневой организации в нашем мире. А это уже затрудняет признание других эвристик, которые потенциально могут быть более подходящими и более продуктивными в определенных научных областях. Например, концепция сетей могла бы стать многообещающей альтернативной эвристикой. Сетевые модели могут преодолеть инерцию представлений, что локальное влияние является единственной или главенствующей формой детерминации, и помочь предвидеть крупномасштабное влияние и нисходящую координацию. Научные открытия все больше проясняют, что «глубинные особенности нашего мира отклоняются от ожиданий относительно хорошо упорядоченных уровней» [Potochnik, 2021, p. 73]. Связанное с сетями понятие – причинная сложность (*causal complexity*) – предполагает открытые списки причинно-следственных связей, пересекающих пространственные и временные масштабы, причинное взаимодействие и нелинейное поведение. Вполне возможно, что это более распространено, чем причинно-следственные связи, четко упорядоченные по уровням организации. Наука полна упрощений, многозначных

концепций и эвристик. Главный вопрос заключается в том, оправдывают ли уровни организации свое существование или, возможно, следует признать разнообразие, разобщенность и ограничения концепций уровней, и в связи с этим пытаться развивать альтернативные эвристики – сети, причинную сложность, масштабную инвариантность и др. М. Эронен указывает на тот факт, что «...если мы внимательно посмотрим на структуру биологических систем, то окажется, что иерархическая организация в природе более сложна и запутана, чем предполагают большинство представлений об уровнях. Точнее говоря, биологические компоненты имеют тенденцию быть очень разнородными, что приводит к образованию разветвленных и запутанных иерархий вместо четких уровней. Следовательно, традиционную идею уровней следует рассматривать как эвристическую абстракцию, которая полезна только в некоторых конкретных биологических контекстах» [Eronen, 2021, p. 77]. Ещё более радикально высказался Д. Нобл: «Ученые и другие люди, как правило, очень любят аккуратные, четкие схемы. Природа нет. Природа по своей сути беспорядочна» [Noble, 2006, p. 52].

Таким образом, биологический натурализм, апеллирующий к идее уровней организации, представляется не слишком удачной альтернативой физикализму. Однако идея рассматривать ментальную причинность как естественный природный феномен взаимодействия пусть не явных уровней организации, а разветвленных и запутанных разномасштабных иерархий и сетей, состоящих из самых разных компонентов, представляется нам правдоподобной. Наиболее подходящей метафизической концепцией, схватывающей причинную сложность разномасштабных сетевых взаимодействий, мы считаем ординарный натурализм Ю. Бюхлера [Buchler, 1990], представителя колумбийской школы американского натурализма.

Естественные комплексы и порядки в натурализме Ю. Бюхлера

Основные положения американского натурализма (Дж. Сантаяна, Ф. Вудбридж, Дж. Херман, Дж. Мид, Дж.Г. Рэндалл, Ю. Бухлер и др.), переосмысляющего непрерывность между человеческим опытом и природой, отличаются от материализма и редуктивного физикализма. Главная особенность американского натурализма заключается в том, что он не признает приоритета естественных наук как источника знаний, постулируя бесконечную множественность природы и невозможность описать её монистическими или дуалистическими категориальными схемами с их принципами онтологического приоритета (см.: [Ryder, 2013]). Натурализм предоставляет более широкие рамки для концепции причинности, основанные на специфическом понимании природы, нежели физикализм. Попытки совместить ментальную и физическую причины оказываются безуспешны, если нет возможности показать, что ментальная сфера и физический мир сопряжены друг с другом таким образом, что ментальную причинность можно понимать как их взаимосвязь, не редуцируя её к физическому основанию. Ординальная онтология в натурализме Ю. Бюхлера позволяет нам это сделать, давая возможность сказать, что в *естественных комплексах* ментальное и физическое являются одновременно и *чертами* конкретного комплекса, в более общем по-

рядке человеческого организма, и сами являются *комплексам*, задающими свои собственные порядки психического и физиологического. Таким образом, эти два понятия интегрируются без исключения ментального (редуктивный физикализм) и без восприятия природы как конструкта в человеческих практиках (радикальный конструктивизм).

Ю. Бюхлер предлагает новую перспективу, позволяющую анализировать любой предмет исследования через его расположение в порядке отношений, не отдавая предпочтение какому-либо типу бытия как фундаментальному или более реальному (см.: [Buchler, 1990]). В ординальном натурализме Ю. Бюхлера всё, что существует в каком-то смысле, является *естественным комплексом*. Это общий термин идентификации: «Что бы ни существовало и каким бы образом ни было, это природный комплекс... Отношения, структуры, процессы, общества, человеческие индивидуумы, человеческие продукты, физические тела, слова и тела дискурса, идеи, качества, противоречия, значения, возможности, мифы, законы, обязанности, чувства, иллюзии, рассуждения, мечты – всё это естественные комплексы» [Buchler, 1990, p. 1]. Быть естественным комплексом значит обладать нередуцируемой сложностью, для Ю. Бюхлера нет онтологических простых вещей. Комплексы образуют порядки (*принцип ординальности*): любой рассматриваемый комплекс всегда является тем, чем он является *по отношению* к какому-либо другому комплексу, включая его как *черту* (собирательный термин для свойств, признаков, атрибутов и т.п.) или путем вхождения в более общий комплекс, который уже сам определяет рассматриваемый комплекс в качестве своей черты. Таким образом, все вещи, будучи по своей природе сложными, являются порядками, поскольку они содержат черты как локализованные особенности мира. Эти черты, в свою очередь, служат порядками, которые определяют местоположение других черт, и так далее. Точно так же любой естественный комплекс сам по себе является чертой в том смысле, что он расположен в каком-то другом, более всеобъемлющем порядке. Поэтому каждый комплекс можно бесконечно анализировать из-за его различных порядковых местоположений (см.: [Singer, 1983]). Более того, составляющие комплекс черты не тождественны частям в привычном смысле этого слова: например, «история комплекса может быть среди его соответствующих составляющих, равно как и его социальный или физический контекст» [Ryder, 2013, p. 41]. Таким образом, «естественный комплекс» и «порядок» являются взаимозаменяемыми понятиями. Ю. Бюхлер постулирует принцип *онтологического паритета*: ни один комплекс «не является более реальным или фундаментальным, чем любой другой» [Buchler, 1990, p. 32]. Например, роман Н.Г. Чернышевского «Что делать?» может рассматриваться в порядке «письменные произведения», а Крымский полуостров – в порядке «географические объекты». При этом каждый комплекс, будучи сложным, расположен в нескольких порядках. Так, роман находится, например, в порядках: художественных произведений, русской литературы XIX века, философско-публицистических романов; Крым может быть выделен в порядках «полуострова Евразии», «субъекты Российской Федерации», «туристическая достопримечательность» и др. Поступок человека, совершенный им в здравом уме и твердой памяти, также является комплексом, функционирующем в порядках, например, «деяния, предусматри-

вающие наказание в УК РФ», «целенаправленное поведение живого организма», «нейрогуморальная регуляция гомеостаза организма». При этом сама природа, которая шире, чем просто физический мир, не является всеобщим порядком, она лишь обеспечение (*providingness*) существования комплексов: «Природа не является порядком порядков в том смысле, который аналогичен внешнему кругу, допускающему бесконечное число возможных концентрических кругов. Природа также не является иерархией порядков, все из которых соответствуют друг другу в силу своего иерархического расположения» [Buchler, 1990, p. 100]. Природу в целом можно охарактеризовать как «чистое условие комплексов» (*provision of complexes*) [Buchler, 1990, p. 229]. Для нас важна мысль, что комплекс потенциально функционирует в нескольких порядках, Ю. Бюхлер фиксирует это термином *целостность* (*integrity*). Целостность обозначает функцию комплекса или то, чем комплекс является в некотором контексте или порядке, причем комплекс может иметь «разную целостность в разных порядках его функционирования» [Buchler, 1990, p. 21]. Каждый естественный комплекс обладает *чертами* (свойствами, атрибутами, модусами и т.п.), которые определяют его именно как конкретный комплекс, а не какой-то другой. Комплекс представляет собой порядок связанных черт [Singer, 1976]. То, как именно он связан с другими комплексами, имеет решающее значение для понимания его *целостности*.

Интерпретация ментальной причинности в ординарном натурализме

Ментальная сфера как свойства или как субстанция и тело как физический объект или физическое свойство являются проблемой друг для друга только в том случае, если «мы настаиваем на том, что каждое из них в некотором техническом или нетехническом смысле является “субстанцией” или атомной сущностью и что оба являются субстанциями или “атомами” радикально разных видов, или что не существует возможности понять, как они взаимодействуют» [Ryder, 2013, p. 45], что вынуждает исключать одно или другое (в физикализме, конечно, исключается ментальное). В отличие от «атомарного» подхода порядковый натурализм фиксирует множество перспектив, в каждой из которых как ментальное, так и физическое обладают сложностью и могут быть проанализированы как компоненты более общего комплекса и как целостности, сами содержащие компоненты. «Ментальное» можно рассмотреть как одну из черт комплекса, например «живой организм со сложной нервной системой», наряду с такой чертой как «тело». Также ментальное можно рассмотреть и как отдельный комплекс, в порядке которого могут быть выделены такие черты как квалиативность, интенциональность и телесность. Ментальное как комплекс может содержать физическое (телесность, активность головного мозга, синаптические связи и т.п.) как свою черту и наоборот, физическое как комплекс также может содержать ментальное как черту, и оба эти комплекса могут быть рассмотрены как черты комплекса более общего порядка, обладающего своей собственной целостностью. Такой подход позволяет исключить редукционизм. Например, если психика, обладающая сознанием, может формироваться при определенном уровне сложности нервной системы, то связь такой психики с этой структурой нервной системы входит в число её черт, опреде-

ляющих характеристики психики как комплекса. Точно также при рассмотрении сложной нервной системы как комплекса обладание психикой будет чертой этого комплекса. Рассматривая отдельный живой организм, например человека, можно сказать, что в некоторых поведенческих событиях как в комплексах различаются такие черты как физические свойства (колебания концентрации ионов на мембранах нейронов, изменение положения конечности) и ментальные (намерение помахнуть рукой в знак приветствия). Физическое событие обогащается за счет ментальных событий до сложного социального действия. Это означает, что некоторые движения – это целенаправленные действия, а не просто случайные движения, как при синдроме Туретта, и некоторые вербальные события представляют собой осмысленную речь, а не просто произнесение звуков или акустические эффекты черепного резонатора, и некоторые события в мозге являются желаниями, а не просто физиологическими процессами в мозговых структурах. Такая общая картина нуждается в прояснении того, какое описание причинности наиболее адекватно ухватит причинную сложность функционирования сложных комплексов, функционирующих как в физических порядках, так и в ментальных.

С одной стороны, комплексы обладают чертами, обусловленными их порядковым расположением: поступок может быть порядком правового деяния или рефлекторным поведенческим актом, и тогда в качестве черт выделяются мотивы и чувства или потребности и рефлексы. С другой стороны, эти черты могут быть сами порядками: порядок мотивов поведения содержит такие черты как личностные смыслы, ценности, убеждения, а порядок рефлексов характеризуется такими чертами как чувствительность рецепторов, скорость передачи нервного импульса и др. Ю. Бюхлер также вводит термин *доминирование* (*prevalence*): «доминировать – это не просто быть» [Buchler, 1990, p. 64], утверждение того, что комплекс доминирует в определенных порядках, означает, что он имеет одни черты и исключает другие в силу доминирования в этом порядке, обладая при этом целостностью. Рассмотрим взмах рукой как жест приветствия: с одной стороны, есть набор физиологических событий в организме, приведший к движению, с другой стороны, есть личностный смысл и культурное значение жеста. С нашей точки зрения, это событие приветствия не тождественно ни физиологической реакции, ни культурному знаку по отдельности, и оно не является просто аддитивным набором физиологических и культурно-психологических черт. Здесь мы применим категорию *слияния* (*coalescence*) Ю. Бюхлера: «При слиянии комплекс возникает из соединения или пересечения или новой конфигурации комплексов: в мире существуют вариации без отклонения от какого-либо преобладающего комплекса в частности, и без необходимости дополнять или разрушать какой-либо конкретный комплекс» [Buchler, 1990, p. 57]. Ментальная причинность, характеризующая человеческие поступки, это слияние комплексов порядка «физиологический» и порядка «ментальный», каждый из которых сам по себе исключает свойства другого порядка. Порядок физиологического не имеет черт ментального, и наоборот. Слияние порождает новый целостный комплекс, имеющий физиологическое и ментальное уже в качестве своих черт, наличие которых как раз и конституирует уникальный порядок сознательного живого существа. Эти черты нового комплекса, сами являющиеся сложными комплексами, одновременно определя-

ют поступок и как движение тела, и как культурный знак (приветствие, например), и как выражение психологического намерения, и поэтому поступок может *доминировать* на таком большом количестве порядков: и в этологическом порядке в качестве поведенческого акта примата, и в порядке юридических деяний, в котором не функционирует ни рефлекторный акт, ни психологическое переживание сами по себе. Такой поступок не является ни дополнением или увеличением комплекса физиологических / психологических событий, и ни событийным подмножеством, т.е. не нарушается целостность ни одного комплекса: «...слияние добавляет конфигурации мира, не дополняя напрямую и не искажая ничего конкретного. Если в слиянии и есть какое-либо отклонение, то это коллективное отклонение от комплексов, сохраняющих свой общий характер» [Buchler, 1990, p. 65]. Слияние комплексов «физиологические события» и «ментальные события» имеет свою собственную целостность, не умаляя других комплексов (например, нейронные события головного мозга не исключают ценностно-мотивационную сферу личности). В то же время по признаку «физиологический» комплекс «человеческий поступок» родствен комплекс «поведенческие рефлексы» и комплексу «биологическая активность», а также поступок связан с комплексами «человеческая личность» и «психология» по признаку «ментальное».

При анализе ментальной причинности можно выделять огромное количество событий, так или иначе участвующих в порождении поведения, и, как отметил Дж. Лоу [Lowe, 2006], невозможно выделить одну цепочку событий, ведущую к реализации поведенческого акта, причем проследить начало такой цепочки тоже невозможно. Понятие сложности комплекса предотвращает в анализе причин регресс к частностям, в результате чего или конкретных причинных событий вообще не остается в бесконечном множестве сознательных, бессознательных, биохимических, физических и прочих микрособытий, или теория ментальной причинности оказывается неадекватной для объяснения отношений между разными типами причин (например, порождающими физическими и организующими или способствующими ментальными). Концептуализация ментальной причинности как *слияния комплексов* поможет избежать застревания на отдельных чертах (физиологическое), которые якобы исключают другие черты (ментальное). Каждая черта является комплексом только в своем порядке: физиологическое исключает ментальное только в порядке биологических процессов, так же как личный смысл исключает физиологию только в порядке ментального. Порядок сознательного поведения человека является слиянием комплексов с образованием новой целостности, обладающей комплексами физиологического и ментального как чертами этого нового целостного порядка. С точки зрения порядковой онтологии Ю. Бюхлера, ментальная причинность имеет свою собственную составную целостность, которая отличает ее от других типов причинности. Однако черты, определяющие ментальную причинность, сложны и, следовательно, конституированы реляционно. Это означает, что аспект ментальной причинности в отношении физических событий подобен другим комплексам, которые также демонстрируют эту черту (быть физическим). Таким образом, в отношении физических событий существует фактическое сходство между физической причинностью, порождающими причинами, причинами, повышающими вероятность физического

события или предотвращающими его, и ментальной причинностью. Однако это сходство не исчерпывает всей полноты ментальной причинности.

При анализе причинных высказываний возможно выделение ментально-го и физического аспектов причинности в описании как события-причины, так и события-следствия как черт, принадлежащих порядку сознательного поведения. Но здесь указание отдельных черт имеет лишь синтаксический характер анализа причинных высказываний, а не онтологический. Сами эти черты образуют комплексы разных порядков, и уже их собственные черты исключают друг друга: ментальное и физическое являются чертами комплекса сознательного поведения. Мотивы, желания и убеждения являются чертами комплекса ментального, из порядка которого исключаются такие черты как концентрация ионов на мембране аксона, синаптическая связь нейронов и т.п. Передача импульсов от подкорковых ядер к коре головного мозга и рефлекторная связь являются чертами комплекса физического, из порядка которого исключаются ценности и личностные предпочтения. В итоге мы можем сказать, что события, обладающие ментальными аспектами, могут вызывать события, обладающие физическими аспектами, и при этом избежать угрозы сверхдетерминации. Для случая ментальной причинности мы не принимаем бинарную формулу причинности: *e* вызывает *c*, где *e* и *c* метафизически простые события. Ментальная причинность – это сложный комплекс, в котором как события-причины, так и события-следствия имеют как минимум по две черты: ментальный аспект и физический. Таким образом, в порядковой онтологии Ю. Бюхлера можно проинтерпретировать ментальную причинность как естественный комплекс, обладающий целостностью в разных порядках, и избежать проблемы сверхдетерминации. Порядковая онтология обеспечивает метафизическую основу для концептуализации возможности взаимодействия разнопорядковых причинных событий в едином комплексе человеческого поведения.

Список литературы

- Армстронг Д.М.** Льюис и теория тождества // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. 2005. № 5. С. 79–84.
- Чалмерс Д.** Сознательный ум. В поисках фундаментальной теории. М.: Либроком, 2013.
- Armstrong D.M.** Naturalism, Materialism and First Philosophy // *Philosophia*. 1978. № 8(2–3). P. 261–276.
- Bennett K.** Why the Exclusion Problem Seems Intractable, and How, Just Maybe, to Tract It // *Nous*. 2003. № 37(3). P. 471–497.
- Bernstein S.** Overdetermination Underdetermined // *Erkenntnis*. 2016. № 81(1). P. 17–40.
- Buchler J.** *Metaphysics of Natural Complexes*. Albany, N. Y.: State University of New York Press, 1990.
- Campbell D.** Downward Causation in Hierarchically Organised Biological Systems // F. Ayala, T. Dobzhansky (Eds.). *Studies in the Philosophy of Biology: Reduction and Related Problems*. L.: MacMillan, 1974. P. 179–186.

- Campbell K.** Naturalism // D. Borchert (Ed.). *Encyclopedia of Philosophy*. Thomson Gale, 2006. Vol. 6. P. 492–495.
- Chalmers D.** Consciousness and Its Place in Nature // D. Chalmers (Ed.). *Philosophy of Mind: Classical and Contemporary Readings*. N. Y.: Oxford University Press, 2002.
- Craver C., Bechtel W.** Top-Down Causation Without Top-Down Causes // *Biology and Philosophy*. 2007. № 22. P. 547–563.
- Ellis G.** On the Nature of Causation in Complex Systems // *Transactions of the Royal Society of South Africa*. 2008. № 63(1). P. 69–84.
- Eronen M.** No Levels, No Problems: Downward Causation in Neuroscience // *Philosophy of Science*. 2013. № 80(5). P. 1042–1052.
- Eronen M.** Levels, Nests, and Branches: Compositional Organization and Downward Causation in Biology // D. Brooks, J. DiFrisco, W. Wimsatt (Eds.). *Levels of Organization in the Biological Sciences*. MIT Press, 2021. P. 77–88.
- Gibb S.** Mental Causation // *Analysis*. 2014. Vol. 74(2). P. 327–338.
- Lowe J.** Non-Cartesian Substance Dualism and the Problem of Mental Causation // *Erkenntnis*. 2006. Vol. 65(1). P. 5–23.
- McLaughlin B.** Mental causation // D. Borchert (Ed.). *Encyclopedia of Philosophy*. Thomson Gale, 2006. Vol. 6. P. 132–137.
- Macdonald C.** Physicalism // D. Borchert (Ed.). *Encyclopedia of Philosophy*. Thomson Gale, 2006. Vol. 7. P. 553–556.
- McGinn C.** Can We Solve the Mind-Body Problem? // *Mind*. 1989. № 98. P. 349–366.
- Nagel T.** What Is It Like to Be a Bat? // *Philosophical Review*. 1974. № 83. P. 435–450.
- Noble D.** *The Music of Life*. Oxford, UK: Oxford University Press, 2006.
- Noble D.** A Theory of Biological Relativity: No Privileged Level of Causation // *Interface Focus*. 2012. № 2(1). P. 55–64.
- Kim J.** *Mind in a Physical World: An Essay on the Mind-Body Problem and Mental Causation*. Cambridge, MA: Bradford, 1998.
- Kim J.** *Physicalism, or Something Near Enough*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2005.
- Oppenheim P., Putnam H.** Unity of Science as a Working Hypothesis // H. Feigl, M. Scriven, G. Maxwell (Eds.). *Minnesota Studies in the Philosophy of Science*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1958. P. 3–36.
- Papineau D.** The Rise of Physicalism // C. Gillett, B. Loewer (Eds.). *Physicalism and Its Discontents*. Cambridge University Press, 2001. P. 3–36.
- Potochnik A.** *Idealization and the Aims of Science*. Chicago, IL: University of Chicago Press, 2017.
- Potochnik A.** Our World Isn't Organized into Levels // D. Brooks, J. DiFrisco, W. Wimsatt (Eds.). *Levels of Organization in the Biological Sciences*. MIT Press, 2021. P. 61–76.
- Ryder J.** *The Things in Heaven and Earth. An Essay in Pragmatic Naturalism*. N. Y.: Fordham University Press, 2013.
- Searle J.** *Minds, Brains and Science*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2003.
- Searle J.** *Mind, a Brief Introduction*. Oxford University Press, 2004.
- Schneider S.** Non-Reductive Physicalism and the Mind Problem // *Nous*. 2011. № 47 (1). P. 135–153.

Singer B. Introduction: The Philosophy of Justus Buchler // *Southern Journal of Philosophy*. 1976. № 14 (1). P. 3–30.

Reference

- Armstrong D.M.** Naturalism, Materialism and First Philosophy // *Philosophia*. 1978. № 8(2-3). P. 261–276.
- Bennett K.** Why the Exclusion Problem Seems Intractable, and How, Just Maybe, to Tract It // *Nous*. 2003. № 37(3). P. 471–497.
- Bernstein S.** Overdetermination Underdetermined // *Erkenntnis*. 2016. № 81(1). P. 17–40.
- Buchler J.** *Metaphysics of Natural Complexes*. Albany, N.Y.: State University of New York Press, 1990.
- Campbell D.** Downward Causation in Hierarchically Organised Biological Systems // F. Ayala, T. Dobzhansky (Eds.). *Studies in the Philosophy of Biology: Reduction and Related Problems*. L.: MacMillan, 1974. P. 179–186.
- Campbell K.** Naturalism // D. Borchert (Ed.). *Encyclopedia of Philosophy*. Thomson Gale, 2006. Vol. 6. P. 492–495.
- Chalmers D.** Consciousness and Its Place in Nature // D. Chalmers (Ed.). *Philosophy of Mind: Classical and Contemporary Readings*. N. Y.: Oxford University Press, 2002.
- Craver C., Bechtel W.** Top-Down Causation Without Top-Down Causes // *Biology and Philosophy*. 2007. № 22. P. 547–563.
- Ellis G.** On the Nature of Causation in Complex Systems // *Transactions of the Royal Society of South Africa*. 2008. № 63(1). P. 69–84.
- Eronen M.** No Levels, No Problems: Downward Causation in Neuroscience // *Philosophy of Science*. 2013. № 80(5). P. 1042–1052.
- Eronen M.** Levels, Nests, and Branches: Compositional Organization and Downward Causation in Biology // D. Brooks, J. DiFrisco, W. Wimsatt (Eds.). *Levels of Organization in the Biological Sciences*. MIT Press, 2021. P. 77–88.
- Gibb S.** Mental Causation // *Analysis*. 2014. Vol. 74(2). P. 327–338.
- Lowe J.** Non-Cartesian Substance Dualism and the Problem of Mental Causation // *Erkenntnis*. 2006. Vol. 65(1). P. 5–23.
- McLaughlin B.** Mental causation // D. Borchert (Ed.). *Encyclopedia of Philosophy*. Thomson Gale, 2006. Vol. 6. P. 132–137.
- Macdonald C.** Physicalism // D. Borchert (Ed.). *Encyclopedia of Philosophy*. Thomson Gale, 2006. Vol. 7. P. 553–556.
- McGinn C.** Can We Solve the Mind-Body Problem? // *Mind*. 1989. № 98. P. 349–366.
- Nagel T.** What Is It Like to Be a Bat? // *Philosophical Review*. 1974. № 83. P. 435–450.
- Noble D.** *The Music of Life*. Oxford, UK: Oxford University Press, 2006.
- Noble D.** A Theory of Biological Relativity: No Privileged Level of Causation // *Interface Focus*. 2012. № 2(1). P. 55–64.
- Kim J.** *Mind in a Physical World: An Essay on the Mind-Body Problem and Mental Causation*. Cambridge, MA: Bradford, 1998.
- Kim J.** *Physicalism, or Something Near Enough*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2005.

- Oppenheim P., Putnam H.** Unity of Science as a Working Hypothesis // H. Feigl, M. Scriven, G. Maxwell (Eds.). Minnesota Studies in the Philosophy of Science. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1958. P. 3–36.
- Papineau D.** The Rise of Physicalism // C. Gillett, B. Loewer (Eds.). Physicalism and Its Discontents. Cambridge University Press, 2001. P. 3–36.
- Potochnik A.** Idealization and the Aims of Science. Chicago, IL: University of Chicago Press, 2017.
- Potochnik A.** Our World Isn't Organized into Levels // D. Brooks, J. DiFrisco, W. Wimsatt (Eds.). Levels of Organization in the Biological Sciences. MIT Press, 2021. P. 61–76.
- Ryder J.** The Things in Heaven and Earth. An Essay in Pragmatic Naturalism. New York: Fordham University Press, 2013.
- Searle J.** Minds, Brains and Science. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2003.
- Searle J.** Mind, a Brief Introduction. Oxford University Press, 2004.
- Schneider S.** Non-Reductive Physicalism and the Mind Problem // Nous. 2011. № 47 (1). P. 135–153.
- Singer B.** Introduction: The Philosophy of Justus Buchler // Southern Journal of Philosophy. 1976. № 14 (1). P. 3–30.

Информация об авторе

Черезова Елена Борисовна

аспирант, Новосибирский государственный университет

Information about the Author

Cherezova Elena Borisovna

post-graduate student, Novosibirsk State University

*Статья поступила в редколлегию 13.11.2023; одобрена после рецензирования 25.01.2024;
принята к публикации 7.02.2024*

*The article was submitted 13.11.2023; approved after reviewing 25.01.2024;
accepted for publication 7.02.2024*